

УДК 281.9 (476)

**ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX ВЕКА
(на основе отзывов епархиальных архиереев)**

В.В. ТАБУНОВ

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассматриваются проекты епископов Полоцкого, Минского, Могилевского, Гродненского и Литовского по реформированию института православной церкви, церковного суда и религиозного образования в первой четверти XX столетия.

В начале XX века в правительственной среде наметилась тенденция к рассмотрению возможности проведения преобразований института православной церкви. По крайней мере, подобного рода намерения официально декларировались. Указом от 12 декабря 1904 года правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. В ответ на это Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) в своей записке «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви» кабинету министров указал, что такой закон поставит православие в неравное положение по сравнению с другими конфессиями, поэтому «не следует ли предоставить православной церкви большей свободы в управлении её внутренними делами, где бы она могла руководствоваться церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов» [1, с. 21 – 22]. Он просил разрешения на созыв совещания духовенства и мирян, без представителей правительства, для разработки системы автономного существования церкви и её освобождения от «прямой государственной миссии». На основании этой записки С.Ю. Витте было создано совещание по церковным вопросам, после которого появилась его записка, осуждавшая синодально-обер-прокурорскую систему и требовавшая созыва поместного собора из духовенства и мирян для обновления церковного организма. К.П. Победоносцев потребовал перевода церковного вопроса из Комитета Министров в Святейший Синод. Возлагая надежду на консерватизм провинциальных епископов, он от имени Синода рекомендовал Николаю II разослать всем архиереям опросник о состоянии и необходимости преобразований православной церкви. Но его расчёты не оправдались. Большинство епископов выступало за восстановление патриаршества, регулярность соборов, ликвидацию обер-прокурорства, автономию церкви и её отделение от государственной бюрократии, децентрализацию церкви путём деления её на самоуправляющиеся митрополии, автономию местного епископата, занимающего кафедру пожизненно, а также увеличить число архиереев путём создания уездных кафедр вместо викариатств, приближение литургического языка к разговорному, восстановление автономии и самоуправления прихода как основной ячейки соборности церкви и др. [2, с. 45].

Епископы пяти епархий, расположенных на белорусских землях, также в своих отзывах высказались за проведение преобразований в православной церкви. Так, они поддержали идею о созыве поместного собора для решения всех внутрицерковных вопросов (сокращение богослужения, пересмотр взаимоотношений со старообрядцами, разрешение проблемы смешанных браков и др.). При этом предполагалось на предстоящем соборе наделить правом решающего голоса только епархиальное начальство. Миряне и рядовые священники могли обладать только совещательным голосом. На соборе должны были состояться и выборы патриарха [3, с. 73, 143, 195, 328]. По мнению епископа Могилевского Стефана, «собору поместному» должны были ещё предшествовать «соборы областные, митрополичьи», а им – «соборы епархиальные», последним – «благочиннические и приходские собрания», чтобы таким образом могло быть осуществлено представительство клира и мирян как от низших, так и от высших организаций, «дабы неразрешённые церковные вопросы на низшей инстанции могли получить компетентное решение» в вышестоящих. Поместному собору как «свободному и полномочному органу» принадлежала бы вся полнота власти в церковном законодательстве «в отношении ко всей церкви и по всем частям церковной жизни»: в области веры и нравственности, церковной дисциплины и строя церковного управления». Он созывался при участии монарха по мере надобности через более или менее значительные промежутки времени» [3, с. 143, 144 – 145].

Епископ Полоцкий Серафим предлагал последовательный способ избрания представителей мирян на собор: «прихожане церкви, без участия причта, выбирают на приходском собрании выборщика. Затем эти выборщики собираются по благочиниям совместно с духовенством» и вместе избирают двух представителей – одного от мирян, другого – из среды священников. От каждой епархии на поместном соборе должно было присутствовать не менее двух представителей. Предполагалось выборы в приходах сделать открытыми, а далее – закрытыми [3, с. 195 – 196]. Такого же принципа придерживался и епископ Литовский Никандр: каждый приход «избирает по одному представителю в благочиннический совет, на кото-

ром от благочиния избирается один мирянин и одно духовное лицо в состав епархиального съезда», на котором выбираются два представителя в состав епархиального съезда. Последний избирает «двух членов от епархии». Для предварительной разработки и подготовки вопросов, которые должны рассматриваться на соборе из видных архипастырей и авторитетных богословов комплектуется особая комиссия, сохраняющая свои функции и во время собора – для рассмотрения вопросов, возникших в момент его проведения и за «принятие которых к обсуждению высказалось не менее половины участников собора». После открытия собор из числа епископов избирает председателя и только затем переходит к рассмотрению вопросов в порядке, установленном синодом. Решения принимаются большинством голосов [6, с. 328 – 329]. Вместе с тем озабоченный активизацией римско-католического духовенства в своей епархии, где оно имело глубокие и прочные позиции, после указа 17 апреля 1905 года, он предлагал внести на рассмотрение поместного собора вопрос о запрещении ксендзам заниматься миссионерской деятельностью в целях пополнения рядов своей паствы за счёт православной церкви путём воздействия «через высшее католическое духовенство, хотя бы для этого пришлось снестись с Римской курией». Также он выдвигал предложение об открытии в Вильно православной духовной академии «для предотвращения успехам католичества». В ней основной упор делался бы на миссионерскую работу [4, с. 337 – 338].

Одобрив епископы и принцип разделения территории империи на церковные округа. Епископ Минский Михаил, отмечая перегруженность работой центральных учреждений церковного управления, видел в решении вопроса два пути: или расширить права епископов, или разделить страну на церковные округа, находящихся в полной зависимости от центрального управления. Он предлагал выделить 9 округов с центрами в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани, Вильно, Тифлисе, Иркутске и Томске. В епархиальных городах должны были 2 – 3 раза в год проходить съезды епископов для обсуждения и решения как местных вопросов, так и переданных из управления церковью (разбор жалоб на епархиальных архиереев и епархиальные учреждения, о брачных разводах, снятии духовного сана, утверждение в должностях и др.). Пользу от такого шага он усматривал в том, что съезды будут способствовать «взаимообщению пастырей, соборному решению дел» [3, с. 73 – 74].

За разделение России на 7 – 9 церковных округов высказался епископ Могилёвский Стефан. Их центры предполагалось образовать в Петербурге, Москве, Киеве, Вильно Харькове, Казани, Астрахани, Иркутске и Тифлисе. Собирающиеся в них митрополичьи соборы решали бы следующие вопросы: избрание и назначение епископов, разбирательство судебных дел – в этом плане соборы служили бы второй инстанцией для мирян и клириков в «спререканиях их с епископам» и первой инстанцией для самих епископов, избрание и увольнение ректора местной духовной академии, а также профессоров, высказывавших какие-либо крамольные идеи. По его мнению, «частое соборное единение предстоятелей и представителей церкви не может не быть великой моральной силой». Соборы должны были проводиться 1 – 2 раза в год, решающим голосом при этом наделялись только епископы. Митрополит, возглавлявший округ, подлежал избранию на областном соборе и утверждался в должности патриархом. Он имел право созывать областные соборы, председательствовать на них, утверждать в должности епископов. Управление всеми округами находилось в компетенции патриарха, избираемого поместным собором и вступающего в свои права «с соизволения государя». Церковью он управлял «посредством окружного патриаршего собора», которому принадлежала высшая административная и судебная власть в церкви. Состоял этот орган из постоянных членов, избираемых областными соборами, и из епископов, «поочерёдно вызываемых из епархий, по одному из каждого округа». Патриарх также наблюдал за соблюдением церковных канонов и выполнением законов в епархиях [3, с. 139 – 143].

Идею о создании западнорусской митрополии с центром в Вильно отстаивал епископ Полоцкий Серафим. Он был убеждён, что это не приведёт к распространению идей о «культурной и политической обособленности» Беларуси, поскольку «самостоятельность митрополии будет не полная, а относительная». В политической благонадёжности местного православного населения у него причин для сомнений не возникло. К тому же «местный духовный центр» был необходим, во-первых, для решения второстепенных вопросов и, во-вторых, для объединения религиозных запросов белорусов [3, с. 196]. Епископ Гродненский Никанор выдвигал предложение об учреждении в государстве 7-ми церковных округов под управлением митрополитов [3, с. 225]. Не отрицал проекта о разделении России на ряд церковных округов, включая Виленский, и архиепископ Литовский Никандр. По его мнению, такой шаг был обусловлен необходимостью «последовательного проведения в церковный строй начала соборности и для объединения деятельности епархий, сообразно местным окружным задачам и особым условиям, быта паствы», а также для «большого удобства и скорости в рассмотрении дел», не имеющих особого значения. Количество и территориальные пределы округов должен был установить поместный собор. По мысли священника, учреждение митрополии с центром в Вильно будет способствовать объединению всех «православно-русов» на религиозной почве, что «укрепит связь Северо-Западного края со всей остальной православной Русью» [4, с. 329, 330].

Отдельную позицию в данном вопросе занимал епископ Гродненский Михаил, сменивший на этой должности Никанора. Соглашаясь со своим коллегой, епископом Могилевским Стефаном, «почти по всем пунктам», он выражал сомнение в необходимости разделения территории страны на церковные округа. Осуществление такого проекта, по его мнению, привело бы к осложнению внутрицерковной жизни, к «чрезмерному развитию канцелярщины» и «крайней затяжке в решении дел». Епископу было бы удобнее самому непосредственно сноситься с патриархом и синодом, а время от времени, по мере надобности, епископы, совместно с представителями, избранными от духовенства и мирян, могли собираться на областные соборы «для обсуждения и решения назревших вопросов» [4, с. 807].

Не была обойдена вниманием и такая немаловажная проблема, как реорганизация епархиального управления. По этому поводу высказывались различные предложения. Епископ Минский Михаил выступал за «освобождение консистории от ненужной обременённости» через предоставление ей большей самостоятельности «в канцелярском делопроизводстве». Решение по тому или иному вопросу принимало окончательный характер только после утверждения епископа. Чтобы члены консистории не были отвлекаемы от епархиальных дел, «освобождались от приходской службы. Для привлечения в консисторию «лучших сил» следовало пересмотреть имеющиеся штаты и улучшить «материальное положение служащих». Проведение этих мероприятий в жизнь, по мнению епископа, «устраняло потребность» в наличии какого-либо органа при архиерее [3, с. 74].

Епископ Могилевский Стефан находил, что для «улучшения епархиального управления» следует как можно шире его децентрализовать, образовав небольшие административные единицы, которые самостоятельно занимались бы решением дел, «подлежащих ныне ведению епархиального центрального управления», и служили бы собирательным элементом для «представительства приходских общин в епархиальных соборах». Согласно его точке зрения, подходящей формой для такой децентрализации являлись «благочиннические округа», в которых помимо коллегиально-административного органа (благочиннического совета, состав которого наряду со сферой компетенции подлежал расширению) необходимо было образовать «высший соборный распорядительный орган – окружное благочинническое собрание представителей церковных общин». Оно состояло из председателя – благочинного, чья должность являлась замещающей епархиальной властью, представителей духовенства и мирян – по два от каждой общины. Его деятельность протекала параллельно общеприходскому собранию. В круг вопросов благочиннического собрания входили: церковно-хозяйственные – оказание денежной помощи вдовам и сиротам округа, содержание окружных благотворительных и просветительских учреждений, производство распределения налогов с церквей; религиозно-нравственные – все принятые им решения в данной области предоставлялись епископу для утверждения; избирательные – из среды должностных лиц округа выбиралось два члена благочиннического совета и два кандидата к ним, а также представителей от округа для участия в епархиальном соборе. В благочинническом совете решающими голосами обладали представители духовенства, а их коллеги от мирян имели только совещательный голос, но могли апеллировать к епископу в случае, когда «решение духовных членов совета противоречило их совести и разумению». Расширение сферы компетенции советов возможно было достигнуть следующим путем: «все, что может быть решено на месте», передавалось в ведение данного органа. Решения, принятые советами, пересмотру в высших инстанциях не подлежали. Если требовалась какая-нибудь санкция, то она должна была исходить от епископа. Перечень дел, подлежащих решению советами, устанавливал епархиальный собор. Епархиальное управление состояло из высшего органа – епархиального собора и административно-исполнительных органов – пресвитерского совета, училищных советов, правлений духовно-учебных заведений. Епархиальный собор возглавлялся местным епископом. В его состав входили священники и миряне, избранные по одному от каждого округа. Соборы представляли собой «постоянный, обязательно и периодически функционирующий» орган. В сферу дел собора входили «все стороны жизни епархиальной церкви»: избрание и отстранение от должности начальства духовно-учебных заведений, членов консистории, председателей правления свечного завода, попечительства о бедных духовного звания, обсуждение и принятие решений по делам «веры и нравственности» в епархии, самообложение с доходов церквей на общепархиальные нужды, избрание представителей для участия в митрополичьих и поместных соборах. Консистория подлежала разделению на два ведомства – канцелярию (в ее компетенции оставались только маловажные дела) и присутствие (сюда переходили более важные дела – касающиеся имущества и чести «заинтересованных в деле лиц»). В последнем случае епископ становился ее председателем, а консистория действовала как совещательный орган. Присутствие собиралось для обсуждения вопросов два раза в неделю, канцелярия – чаще. Пресвитерский совет раз в неделю собирался в расширенном составе. Расширение происходило за счет участия начальников всех епархиальных учреждений. В его ведении находились доклады от данных учреждений, назначение на должности священников. [3, с. 129 – 133].

Епископ Полоцкий Серафим выдвинул идею об объединении органов епархиального управления – консистории, училищного совета по церковно-школьным делам, епархиального попечительства о бедных, миссионерского комитета «в интересах направления деятельности этих учреждений к более пра-

вильному и согласованному действию» в одно целое. Согласно его взгляду, целесообразным было бы «слить все административные учреждения с главным органом управления в епархии – консисторией», который мог бы «соображать всю совокупность дел и интересов» названных учреждений, направляя их к «правильному и согласному действию». Укрупнение повлекло бы за собой рост делопроизводства, в связи с чем состав постоянного присутствия консистории, переименованной в епархиальное правление во главе с епископом, увеличивался на 2 – 3 человека, а состав служащих канцелярии – на 2 стола «с особыми делопроизводителями и потребным количеством писцов». Для согласованности деятельности консистории с нуждами епархии было желательным избрание на епархиальном съезде духовенством в дополнение к числу постоянных членов присутствия ещё 2 – 3-х временно присутствующих священников. По мере оставления постоянными членами своих мест, на них назначались бы кандидаты, также избираемые духовенством епархии. По мнению епископа, такой порядок «ускорил бы рассмотрение и решение дел, дал бы епископу возможность непосредственно ознакомиться с деятельностью» этого органа, выявить его слабые и сильные стороны, также «устранил бы возможность посторонних влияний на направление и исход дел и способствовал бы сокращению производства и переписки». Такой принцип объединения можно было бы использовать на «низшем уровне» – в каждом уезде епархии, передав туда для решения «известный круг дел» [3, с. 203 – 206].

Епископ Гродненский Никанор считал, что епархиальное управление «должно быть совершаемо через совет при епископе», а все важные дела «могут быть разрешаемы» на ежегодном епархиальном соборе духовенства и мирян, некоторые из них могли также передаваться в «митрополичьи советы и областные соборы» [3, с. 225]. По мнению архиепископа Литовского Никандра, главным органом епархиального управления должен был стать епархиальный собор, созываемый «по мере надобности, епископом и функционирующий под его управлением или уполномоченного от его имени лица. В состав епархиального собора входили представители духовенства и мирян. Епископом «при содействии состоящего при нём вспомогательного органа управления» намечались вопросы, «подлежащие обсуждению на соборе, разрабатывалась программа его деятельности. На соборе решались «все важнейшие вопросы веры и благочестия, церковной жизни, дисциплины», а также в пределах епархии «дела экономические». Собору была подконтрольна деятельность всех «епархиальных учреждений и административных лиц: пресвитерията, имеющего заменить консисторию, духовно-учебных заведений, епархиального попечительства о бедных духовного звания, свечного завода, эмеритальной кассы». Он же на три года избирает членов вышеперечисленных учреждений и освобождает их от занимаемой должности по истечении срока, производит самообложение с доходов церковей на потребности епархии и выдвигает уполномоченных для участия на митрополичьем и поместном соборах. Для оказания содействия епископу в управлении делами епархии избирается «особый епархиальный совет», состоящий из 3 – 9 священников. Этот орган аккумулирует в себе все епархиальные учреждения – консисторию, училищный совет, попечительство о бедном духовенстве и др. Он состоит из трёх отделов: церковного (забота об умственном и нравственном состоянии духовенства, наблюдение за исполнением священниками своих прямых обязанностей); училищного (заведывание за школами, находящимися на содержании у епархии, наблюдение за всеми духовно-учебными заведениями); хозяйственный (контроль над епархиальными материальными средствами). В каждом отделе председательствует епископ, либо его заместитель «из старейших и заслуженнейших протоиереев епархии». Могут проходить и общие заседания «по особо важным вопросам» с участием членов всех трёх отделений, для которых устанавливалась единая канцелярия во главе с секретарём, имеющим «высшее богословское образование». Он назначался синодом, остальные должностные лица канцелярии утверждались в должностях епископом. При этом отдельные отрасли делопроизводства могли поручаться находящимся на государственной службе столоничальникам. К работе в канцелярии привлекались и светские лица. Им поручалось заведование финансами, архивом, регистрация документации [4, с. 331 – 332].

Выступили архиереи и за преобразование церковного суда. Епископ Минский Михаил полагал, что его необходимо вывести из ведения консистории, «не лишая в то же время отличительных особенностей от суда гражданского». Выделение состояло бы в учреждении особого, «отдельно от консистории стоящего» учреждения. При этом следовало соблюдать ряд условий: осуществляющие церковный суд в епархии лица должны быть священниками, свободными «от приходской и всякой административной службы», председательствовать на суде должен был епископ, оставление брачных дел в компетенции церковного суда [3, с. 74 – 75]. Епископ Могилевский Стефан считал необходимым разделить церковный суд на несколько инстанций: первая инстанция предназначалась для священников «в их взаимоотношениях» и для жалоб мирян на их «незаконные действия». Она сосредотачивалась в благочинническом совете, что представляется удобным, так как возможно «производить суд на месте». В ведении этого суда сосредотачивались дела, влекущие за собой «замечание, выговор и денежный штраф». Для осуществления следствия учреждалась специальная должность следователя-священника, избираемого на благочинническом собрании. По важным делам, влекущим более суровые наказания, – заключение в монастырь,

лишение сана – процессуальная сторона дела предоставлялась ведению благочиннического совета, а вынесение приговора осуществлял епископ и пресвитерский совет. В данной инстанции следствием занимался епархиальный следователь. Второй судебной инстанцией по апелляциям на решения епархиального суда и первой инстанцией по решению дел, касающихся епископов должен был стать митрополичий суд. Последней инстанцией, второй для епископов, являлся поместный патриарший суд [3, с. 135].

Епископ Полоцкий Серафим, признавая существующую систему церковного судопроизводства «несовершенной», считал необходимым ее усовершенствовать через введение соответствующих «духу церковных канонов» форм и методов делопроизводства светского суда, для чего следует создать в «строе духовно-судного процесса» следующие стадии: предварительное следствие, осуществляемое специально подготовленными, опытными и уполномоченными от лица епископа особами; рассмотрение данных, добытых в результате предварительного следствия на духовном суде и принятие решение «о предании обвиняемого духовному или другому суду или прекращение производства следствия»; в случае передачи дела в духовный суд производить следствие путём опроса сторон и свидетелей «на началах состязательного процесса» с последующим вынесением судьями вердикта, передаваемого затем на окончательное рассмотрение епископа. Придерживаясь точки зрения, что в компетенцию церковного суда должны входить лишь те дела, которые имеют за собой «каноническое основание подлежать этому суду», он полагал нужным «изъять и передать» из ведения духовного суда в ведение светского бракоразводные дела, дела о признании браков недействительными, рождении детей от законного брака и дела об исправлении метрических записей. Решения, принятые по этим вопросам в светских судебных инстанциях сообщались бы духовному суду «для дальнейшего постановления и решения». Также надлежало отменить в церковном суде теорию формальных доказательств, так как в основе принимаемых им решений должны лежать «не формально обставленные», а «нравственно убедительные данные». В целях ускорения рассмотрения судебных дел следовало часть из них передать из консистории в благочиннические советы, состоящих из благочинного, его помощника и одного избранного на определённый срок священника. В ведение благочиннических советов в судебном отношении могли быть переданы дела о нарушении духовными лицами «благочиния и благоповедения», за которые полагались незначительные меры наказания, по взаимным спорам, могущим возникать из-за пользования движимой и недвижимой собственностью; просьбы о вознаграждении за ущербы и понесённые убытки, оценивающиеся на сумму не свыше 50 рублей; жалобы о выплате бесспорных долгов и нарушении обязательств на сумму не выше 100 рублей; о личных обидах и оскорблениях, которые могут прекращаться по взаимному примирению, а также дела, передаваемые епархиальным начальством в благочиннические советы. Не обжалованные в течение месяца с момента объявления решения «считаются вошедшими в законную силу и обжалованию не подлежат», а обжалованные в установленное время дела решаются в епархиальном суде консистории. Признавалось необходимым, чтобы труд лиц, участвующих в принятии решений по судебным делам, «был достаточно вознаграждён или из средств казны, или из местных средств» [3, с. 197 – 203].

Епископ Гродненский Никанор считал, что епархиальный суд мог совершаться через епископский совет. Все важные дела решались на ежегодном епархиальном соборе духовенства и мирян, некоторые из них могли передаваться в митрополичьи и областные соборы [3, с. 225]. По мысли архиепископа Литовского Никандра, вся полнота власти в судебном отношении сосредотачивалась в руках епископа, в помощь которому при пресвитерии образовывались 2 – 3 должности, в зависимости от размеров епархии, духовных следователей из лиц, имеющих богословское образование и обладающих высоким пастырским авторитетом. Лица, недовольные приговором суда епископа, могли апеллировать к митрополичьему суду и суду «первенствующего святителя и его синода» [4, с. 332 – 333].

Был затронут и вопрос о епархиальных съездах, происходивших на основании семинарского устава 1867 года. Главная их задача заключалась в «попечении о материальных нуждах духовно-учебных заведений епархии». Также в круг их деятельности входили и другие вопросы: о материальном быте духовенства, общепархиальных нуждах приходов и церквей. За оставление в компетенции съездов широкого круга вопросов ратовал епископ Минский Михаил, полагая, что только его депутаты являются «единственными выразителями действительного положения вещей» и советчиками нахождения «наилучших способов достижения желанных результатов применительно к местным условиям каждого прихода». Все постановления съездов подлежали утверждению епископа. В придании епархиальному съезду значения вспомогательного при епископе органа «по церковному управлению» и общению с паствой он видел полезный шаг. Во избежание принятия ошибочных решений на съездах поощрялось участие в них членов консистории, сведущих в действующих церковных законах и постановлениях [3, с. 81 – 83]. Епископ Могилёвский Стефан счёл возможным оставить за епархиальными съездами только чисто экономические функции. Он считал, что они вообще не могут быть признаны «подходящей нормой для соборного епархиального управления», принимая во внимание предполагающуюся коренную реформу всего церковного строя». Их место должны были занять епархиальные соборы [3, с. 131].

Полезность епархиальных съездов признавал и епископ Полоцкий Серафим. Вместе с тем, он считал необходимым устранить ряд недостатков, каковыми, на его взгляд, обладали съезды: «незначительность круга их самостоятельности, ограниченность круга предметов их ведения и пределов деятельности и односторонность направления». Для улучшения положения следовало предпринять следующие действия: съезды приобрести «характер постоянного совещательного начала в церковной жизни», для чего они должны собираться хотя бы раз в год, а в особых случаях – чаще, в виде экстренных съездов. Участвовало в них по два депутата-священника от благочиния «по предварительному уполномочию» от съездов. Председательствует на съезде епископ, присутствующим на нём предоставлялось право «свободно, без опасений» высказывать свои взгляды по тому или иному вопросу. Последнее слово принадлежало епископу. Съезды представляли собой совещательный орган при епископе, помогающий ему «получше узнать чаяния паствы», проводить в жизнь его распоряжения. В ведение епархиальных съездов передавался широкий круг вопросов, касающихся духовно-учебных заведений, епархиального управления, церковного хозяйства, духовного образования священников, церковной миссии, религиозно-нравственного состояния народа. Он же разбирал и жалобы на неправильные действия органов церковной администрации, неудовлетворительное состояние религиозно-образовательных учреждений. Все вопросы, за исключением баллотировки кадров, подлежали открытому обсуждению. В голосовании всем участникам принадлежало одинаковое право. В нем не принимал участия только епископ, высказывавший свою точку зрения на вопрос перед началом голосования. Весь ход заседания съезда стенографировался [3, с. 206 – 209].

Епископ Литовский Никандр предлагал епархиальным съездам «присвоить значение вспомогательного органа при епископе» как по экономическим, так и по религиозно-нравственным вопросам, что способствовало более широкому осведомлению епископа о состоянии дел в епархии, а участие в них представителей от мирян, «при восстановлении в церкви соборного начала» приведёт к росту их значения и «послужит существенным фактором обновления церковной жизни» [4, с. 336]. Церковное начальство пяти епархий, расположенных на белорусских землях, высказалось за активное участие духовенства в государственно-общественной жизни. Епископ Минский Михаил считал, что «пастыри церкви должны быть непременно членами городских дум и земских собраний». По его мнению, своим участием в них они способствовали бы «правильному и всестороннему» функционированию данных заведений. В думах они как чуждые партийности служили бы «умиротворяющим элементом», полезной была бы их деятельность в обустройстве городов школами, больницами и приютами. В земствах они были бы «лучшими защитниками бедного крестьянства», близко к которому по своему положению они находились [3, с. 85 – 86]. Такого же взгляда придерживался епископ Могилевский Стефан: «поскольку проектируемая реформа церковного строя имеет в виду оживление религиозной жизни среди паствы через широкое привлечение мирян к непосредственному участию во всех сферах деятельности церкви, постольку же желательно воздействие церкви на жизнь паствы и через участие её пастырей в разного рода светских общественных коллегиях» [3, с. 136]. Согласно точке зрения епископа Полоцкого Серафима, «необходимость участия духовенства в общественной жизни народа не может подлежать никакому сомнению», поскольку в условиях «сбивчивости понятий об общем благе только священники во многих общественных собраниях» могут выполнять роль «единственного заступника истинного христианского благоустройства и порядка» [3, с. 219, 220]. Епископ Гродненский Никанор также полагал, что духовенство, «по мере своих сил и возможностей» может принимать участие во всех «родах и видах народных управлений» [3, с. 225]. Епископ Литовский Никандр находил «устранение духовенства от участия в представительных, общественных и государственных учреждениях несправедливостью», поскольку церковь, «служа спасению человечества» должна оказывать влияние и на все мирское. Одной из форм такого воздействия и являлось участие священников в государственных и общественных делах. Это было необходимо и для защиты интересов самой церкви в этих учреждениях [4, с. 336, 337].

Одобрены епископы и предоставление духовенству права на приобретение собственности. Епископ Могилёвский Стефан однозначно высказался за наделение духовного сословия правом юридического лица «по приобретению и владению недвижимым имуществом» [3, с. 137]. Епископ Полоцкий Серафим, признавая существующую практику по приобретению духовенством недвижимого имущества несовершеннолетней, когда в случае её приобретения в пользу церквей, монастырей и архиерейских домов требовалось «высочайшее соизволение», а если такая собственность приобреталась духовенством, то она закреплялась не за действительным владельцем, а за фиктивным – епархиальным начальством или учебным заведением. В связи с этим признавалось необходимым пересмотреть действующее по этому вопросу законодательство, отменив ограничения на покупку недвижимой собственности, наделив при этом духовенство правом юридического лица, могущим как приобретать, так и отчуждать недвижимое имущество. Во избежание различного рода недоразумений в данном деле контроль предполагалось возложить на «высшую духовную власть» [3, с. 209 – 210]. Епископ Гродненский Никанор находил, что духовенству следует «дать права юридического лица», чтобы оно могло свободно приобретать собственность,

способы покупки которой следовало упростить [3, с. 225]. Епископ Литовский Никандр предлагал существующий порядок приобретения собственности духовными лицами вообще ликвидировать, «предоставив местной епархиальной власти разрешать и утверждать все акты по приобретению всякого рода имущества путём пожертвования, дарения или покупки». Отчуждение же церковной собственности должно было находиться под строгим контролем синода. В епархиях духовенству следовало предоставить право, как юридическому лицу, покупать «на свое имя, для собственных надобностей и на собственные средства» недвижимое имущество для более «благоуспешной и полезной пастырской деятельности» [4, с. 335, 336].

Все епископы выступили с предложением о реформировании духовно-учебных заведений. Епископ Минский Михаил, признавая отток из семинарий в светские учебные заведения делом недопустимым, предлагал вместо семинарий с общеобразовательными богословскими курсами создать богословские семинарии или курсы с 3 – 4-х летним сроком обучения, в которых преподавались бы только специальные науки для подготовки «пастырей церкви». В них могли поступать со сдачей экзаменов лица, окончившие 6 классов гимназий и других «подобных заведений», а также «лучшие ученики», окончившие учительские семинарии министерства народного просвещения и такие же учебные заведения, готовящие учителей для церковно-приходских школ. Необходимо также было несколько видоизменить и упростить программы и курсы предметов, изучаемых в семинариях [3, с. 78, 79].

По мнению епископа Могилевского Стефана, вопрос преобразования духовных школ мог быть положительно решён только при соблюдении следующих принципов: полное отделение общего образования для детей духовенства от специально богословского, свободный доступ для получения богословского образования выходцам из всех сословий. Для успешного претворения в жизнь этих принципов требовалось устроить для детей духовенства прогимназии или полные гимназии с курсом и правами таких же учебных заведений министерства народного просвещения «без нарочитой подготовки к пастырству», для собственно подготовки к священничеству было необходимо открыть в каждой епархии специальные богословские курсы, имеющий 4-х годичный период обучения и «строго церковный режим воспитания и образования». Курсы могли посещать учащиеся всех учебных заведений, проявившие себя «религиозной настроенностью и нравственной жизнью». После окончания курсов выпускникам предоставлялось право поступать «только в духовные академии». Предпочтение в подготовке желающих поступать на указанные курсы отдавалось церковной второклассной школе «с расширением на один год» срока обучения в ней [3, с. 136].

Епископ Гродненский Никанор придерживался точки зрения, что духовные школы нужно преобразовывать постепенно», вводя в них больше «церковности» при одновременном уменьшении предметов «светского образования». В тех епархиях, где семинарии отсутствовали, нужно было учреждать церковные курсы, а в митрополиях – новые академии [3, с. 225]. Подробную программу по преобразованию духовных учебных заведений предложил епископ Полоцкий Серафим. Согласно его точке зрения, из духовных училищ и низших семинарских классов необходимо было создать общеобразовательную школу с правами министерских гимназий, имеющую особенности в программе с упором на религиозные предметы (богословие, церковная история). Те выпускники, которые успешно окончили обучение в них, наделялись равными правами при поступлении в университеты с выпускниками других учебных заведений, а на богословские курсы – без сдачи экзамена. Лучшие ученики по рекомендации педагогических советов имели право поступать в духовные академии. Требовалось устранить замкнутость духовно-учебных заведений – дети духовенства имели право только преимущественного поступления, освобождались от оплаты за обучение и пользовались правом на получение стипендий «духовного ведомства». Для усиления «воспитательного влияния» на учеников требовалось создать институт классных наставников и отказаться от поселения учащихся в общежития с «казарменной обстановкой», разрешив им «свободно размещаться на частных квартирах в благонадежных семьях» или в общежитиях устроить комнаты, в которых проживали бы по 6 – 8 учащихся «сообразно по своим склонностям и интересам». Для управления такими гимназиями педагогическим советам предоставлялось право совместно с родителями учеников, имеющими совещательный голос, избирать кандидатов на руководящие должности; преподавателям средних учебных заведений уравнивать в правах с их коллегами из светских учреждений образования, одновременно улучшив их материальное положение; преподаватели наделялись правом выбора учебных пособий; сам процесс преподавания осуществлялся под контролем общего педагогического совета. Для учащихся, показавших успехи в течение учебного года, отменялись переходные экзамены, упразднялась система «ежедневных официальных отметок» при сохранении четвертных и годовых. За всеми учащимися устанавливался медицинский надзор. Чтобы в свободное от учебы время учащиеся были заняты «полезным делом», следовало разрешить открывать читальни, содержащие как духовную, так и светскую литературу. Пополняли ее новыми изданиями сами учащиеся, но под контролем «классных наставников», они же проводили музыкальные вечера, экскурсии, спектакли, концерты. В целях предупреждения беспорядков ученики наделялись правом обсуждения своих проблем по отделениям, включающих 2 – 3 класса, докладывая начальству через дежурных «о своих нуждах и недоразумениях»; для воспитания в них «чувства

законности» признавалось полезным разрешить создание товарищеского суда чести. В классах, составляющих духовные училища, отменялось преподавание древних языков (греческого и латыни), вместо них вводилось более подробное изучение русского языка, географии, отечественной истории и современных языков. В общеобразовательных классах, входящих в состав общего семинарского курса, расширялась область преподавания предметов естествознания – математики, физики, химии, анатомии и др. Сокращалось преподавание древней литературы, вместо этого увеличивалось количество часов, отводимых на изучение новейшей русской и зарубежной литературы. К процессу преподавания философских дисциплин (логика, риторика и др.) присоединялись «элементарные сведения из области правоведения и финансовой науки». Из общеобразовательного курса удалялись все церковные предметы – библейская история, основы богословия, церковная история и др. Вместо них вводилось чтение Библии «в русском переводе» при наличии под рукой ученика и текста на старославянском языке «для большей вразумительности». Богословские курсы имели 3-летнюю продолжительность обучения, на них принимались «все, имевшие среднее образование и желающие посвятить себя служению церкви» в возрасте от 20 до 40 лет. «Начальствующие лица», а также преподаватели и воспитатели должны были иметь духовный сан, но предпочтение не должно было отдаваться монашествующим. Курсы находились в ведении епископа, на них изучались только те предметы, которые имели непосредственное отношение к церкви – нравственное и обличительное богословие, догматика, общая и русская церковная история, а также «элементарные сведения из гражданского и церковного права», педагогика. Особое внимание следовало обратить на занятия по составлению проповедей и «непосредственному знакомству с богослужебными книгами». Также признавалось полезным последний год обучения сделать сугубо практическим. Для устранения схоластики из преподавания на курсах признавалось полезным предоставить «свободу академическим научно-богословским исследованиям» [3, с. 215 – 219].

Были согласны епископы и с необходимостью реформирования прихода. Епископ Минский Михаил здесь «наилучшим выходом» считал предоставление прихожанам только «в единичных случаях» право ходатайствовать о назначении к ним того священника, которого они хотели бы видеть в качестве своего духовного учителя. Введение же выборного начала, на основании которого происходило бы избрание кандидатов клира, он полагал несвоевременным, поскольку это могло привести к различным злоупотреблениям. По его мнению, «замещение священнических мест» следовало пока оставить на усмотрение епископов. Причину конфликтности между священниками и прихожанами он видел в той бедности, которая в одинаковой степени была свойственна обеим категориям населения: с одной стороны «церковный причт, не будучи в состоянии жить на то нищенское жалование от казны, занят прежде всего заботой о приискании куска хлеба для себя и своей семьи», в силу чего он «отдаётся не деланию на ниве Христовой, а выколачиванию доходов с прихожан»; с другой стороны, бедные прихожане «не только не проявляют ни малейшего старания улучшить положение причта, но ещё ищут удобного момента захватить что-нибудь с поповой нивы». Исходя из этого, основное внимание следовало обратить на материальное обеспечение клира: годовой оклад сельских священников довести до 1,5 тысяч рублей, городских – до 2,5 тысяч. Оставшиеся при этом у духовенства земли следовало передать крестьянам для «улучшения их благосостояния». Ещё одной мерой на пути к повышению авторитета прихода должно было стать «освобождение духовенства от службы светской власти» и исполнение им своих прямых обязанностей. Церковно-приходским советам и прихожанам следовало предоставить право совместного с духовенством заведывания всеми доходами и расходами на нужды церкви и прихода». В просветительном отношении на священников возлагались обязанности по преподаванию в школах Закона Божьего [3, с. 75 – 76].

Большое значение делу преобразования прихода придавал епископ Могилевский Стефан. Согласно его точке зрения, от жизнеспособности прихода зависела «жизнедеятельность всего церковного организма». Мероприятия по реформированию прихода сводились им к следующему: придание приходу прав юридического лица по «ведению, приобретению и расходованию движимого и недвижимого имущества всеми порядками и способами», разрешёнными законом; наделение приходской общины правом распоряжения всеми церковными средствами, «свободными за покрытием расходов по содержанию храма и налогов общецерковных, епархиальных и окружных благотворительных»; превращение церковной общины в целях утверждения и распространения православия в «прочный религиозно-нравственный союз»; в решении внутренних церковно-экономических, нравственных вопросов предоставить приходу права автономной единицы в составе православной церкви. Воссозданная на таких началах приходская община получает в свою компетенцию для последующего решения ряд вопросов: забота о благоустройстве и содержании храмов, кладбищ, всех благотворительных и просветительных учреждений епархии; осуществление контроля за экономической деятельностью и внутренней жизнью приходских учреждений (воспитание подрастающего поколения, избрание и назначение учителей); выполнение религиозно-нравственных функций (борьба с распространением инославной и сектантской пропаганды, решение вопроса о принятии или непринятии в свою среду перешедших в православие из другой веры лиц; выполнение роли третейского безапелляционного суда по делам чести и имущества); решение «в качестве пер-

вичной административной единицы» брачных дел. Предоставление же членам приходской общины права избирать священников епископ полагал делом преждевременным. Это право он предлагал оставить за епархиальной властью. Для управления делами прихода следовало образовать два органа: распорядительный – церковно-приходские собрания; исполнительный – церковно-приходской совет. В состав первых входили члены причта и все прихожане, достигшие 25-ти летнего возраста, «не опороченные по суду» и регулярно посещавшие богослужения. В состав второго органа входили члены причта, церковный староста и от 7 до 12 выборных представителей от прихожан. Председательствовал на них приходской настоятель. Собрания созывались «не менее одного раза в год» и включали в круг своей деятельности следующие вопросы: избрание всех должностных лиц в приходе, кроме священников, и представителей от общины для участия в благочиннических собраниях и советах; заведывание всеми финансовыми делами общины «в качестве её распорядительного органа»; обсуждение состояния нравственности среди прихожан с последующим доведением сведений обо всех принятых решениях до окружного благочинного. Для признания собрания правомочным было необходимо присутствие 2/3 членов общины. Дела решались большинством голосов. В круг дел церковно-приходских советов, собирающихся ежемесячно, входили вопросы: заведывание приходскими и церковными суммами, внесение на рассмотрение собрания различных проектов, «вызванных нуждами прихода», отчёт перед собранием о проделанной работе и состоянии церковно-приходского хозяйства. Совет признавался действительным при присутствии на нём «более половины членов». Дела, так же как и в собраниях, решались большинством голосов. Должность казначея в обоих случаях исполнял староста. Особыми должностными лицами в приходе являлись церковный староста, исполняющий обязанности казначея и в собраниях и в советах, а также диаконы, принимавшие участие в приходских советах с правом совещательного голоса [3, с. 124 – 128].

Разделяя точку зрения своих коллег относительно реформирования прихода, епископ Полоцкий Серафим предлагал предоставить прихожанам «право рекомендовать желательных им кандидатов священства», а также уведомлять их о том, на какие потребности расходуются их пожертвования. В общем, для оживления приходской жизни требовалось привлечь прихожан к участию «во всех сторонах приходской жизни». Но при этом «наделение их правом рекомендации и ходатайства о назначении членов причта» признавалось с его стороны «едва ли полезным». Такое право, по мнению епископа, только способствовало бы распространению в приходах «интриг и партийности». Для укрепления и поднятия авторитета прихода надлежало предпринять следующие шаги: создание приходской общины через нахождение прихожанами средств путём самообложения «соответственно материальному достатку каждого лица в приходе». Признавалось желательным участие прихожан в заведовании церковным хозяйством и «суммами от свечной прибыли и кошелькового сбора», которые оставались «после всех общеeparхиальных расходов». Сама же община находилась под контролем епархиального начальства. Со своей стороны, он не признавал «особенно желательным» предоставление прихожанам права избрания священников принимая во внимание возможность «возникновения взаимных пререканий и неудовольствий», а также в виду «недостаточной компетентности многих приходских общин для определения истинных достоинств и необходимых черт пастыря церкви». Вместе с тем, для достижения взаимопонимания между причтом и прихожанами он считал возможным предоставить последним право «ходатайствовать перед епархиальным начальством о своих кандидатах» на должности священников. В таких случаях от епископов требовалось не отказывать «без достаточных на то оснований в удовлетворении этих ходатайств», в случае же отказа о его причинах ставить прихожан в известность. Также следовало обеспечить епархиальное духовенство солидным жалованием из государственных средств, так как «материальная зависимость священника от прихожан составила бы «непобедимую преграду» для истинного пастырского влияния последнего на приход». Это предоставило бы ему возможность избавиться «от необходимости торговаться с прихожанами перед совершением таинств и треб». После осуществления вышеперечисленных мероприятий духовенству совместно с приходской общиной следовало приступить к непосредственному исполнению своих прямых обязанностей: проповедованию Слова Божьего среди верующих, проведению религиозно-нравственных чтений, открытию церковных библиотек, созданию братств, устройству школ, приютов и богаделен [3, с. 210 – 214].

Епископ Гродненский Никанор также полагал, что приходу следует предоставить право юридического лица. В таком случае он мог бы через свой совет «заведовать всеми церковными делами», избирать псаломщиков и посвящённых диаконов и священников. Непосвященных избирал сам епископ. При этом в круг основных обязанностей церковных советов вошли бы забота о «попечении о храме, призрении бедных», просвещении «в христианском духе» [3, с. 225].

Епископ Литовский Никандр, признавая факт охлаждения взаимоотношений между пастырями и пасомыми, ратовал за придание приходу «значения церковного союза с известными юридическими правами». По его мнению, внести свежую струю в жизнь прихода можно было только путём привлечения прихожан к решению церковных дел: религиозно-нравственных, просветительных, благотворительных и хозяйственных. Особое значение в этом плане имели бы общие церковно-приходские собрания, которые

«должны были стать «главным распорядительным органом» в деле управления общиной. Предполагалось, что на них рассматривались и решались все важные вопросы церковно-приходской жизни, избирались члены церковного приходского совета – исполнительного органа собраний. В состав совета входили: председатель – приходской пастырь, причтовые священники, церковный староста и 12 человек, избранных на три года из состава прихожан, «известных своим благочестием и преданностью церкви». Совет управлял всеми текущими делами в епархии. Обо всем он делал доклады общему собранию, а также проводил в жизнь постановления, принятые на них. В вопросе просвещения прихожан общине предоставлялись права по устройству школ, изданию и распространению религиозной литературы. Также община должна была заниматься и благотворительностью – устраивать приюты, богадельни и работные дома. Ее хозяйственные функции распространялись и на заведывание приходскими капиталами и имуществом. Члены совета имели право контролировать «правильность расходования» данного капитала. Епископ также находил, что для придания приходской общине большей полноты прав, ей следовало предоставить ещё и права юридического лица с разрешением «приобретать, отчуждать и укреплять за собой движимое и недвижимое имущество» всеми разрешёнными по закону способами. Относительно наделения общины правом избирать кандидатов на должности священников он высказался в отрицательном смысле, оставляя данное преимущество за епархиальным начальством «во избежание разного рода злоупотреблений» [4, с. 333 – 334].

Таким образом, все пять епископов (Полоцкий, Минский, Могилевский, Гродненский и Литовский) на страницах отзывов в синод показали себя сторонниками реформирования института православной церкви. Основное внимание было обращено на созыв поместного собора для решения всех церковных вопросов, на преобразование епархиального управления в сторону его децентрализации с передачей части функций консистории благочинническому совету и собранию и духовных учебных заведений путём отделения общеобразовательных предметов от специальных церковных с последующей углубленной специализацией, имеющей целью подготовить священнослужителя, отвечающего «вызовам времени». Большинство епископов (за исключением епископа Гродненского Михаила) поддержало идею разделения территории государства на церковные округа с последующим предоставлением самоуправления на местах, наделении церковной общины и прихода статусом юридического лица с правом приобретения недвижимого имущества. Также они выступили и за активное участие духовенства в общественной жизни в качестве выборных лиц в городских думах и земских учреждениях, реформирование системы церковного судопроизводства через выделения церковного суда из ведения консистории с передачей части дел в гражданский суд, за расширение компетенции епархиальных съездов с передачей им как религиозно-нравственных вопросов, так и экономическо-хозяйственных. Будучи едиными в намерениях по преобразованию «первенствующей и господствующей» религии, они расходились лишь в деталях по достижению намеченных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полонский А. Православная церковь в истории России: синодальный период // Преподавание истории в школе. – 1996. – № 1. – С. 8 – 25.
2. Поспеловский Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 42 – 55.
3. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 2-х ч. Ч. 1 / Ист. введ. А.Ю. Полунова, И. В. Соловьева; ред. кол. В. Чаплин и др. – М.: Крутицкое подворье, 2004. – 840 с.
4. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 2-х ч. Ч. 2 / Ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева; Ред. кол. В. Чаплин и др. – М.: Крутицкое подворье, 2004. – 840 с.